

УДК 141.7[316.3:159.954]

*П.С. Петровский,
аспирант Института философии НАН Беларуси*

СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ: СВОЙСТВА И ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Проблема динамики социальных трансформаций в современных обществах притягивает все больше внимание различных исследователей. Резкие и скачкообразные, во многом непрогнозируемые изменения общественных процессов ставят на повестку дня вопрос природы, свойств и динамики социальных трансформаций.

На наш взгляд, общественные изменения во многом обусловлены социальным воображением, под которым мы понимаем способность отражения обществом на определенном этапе своего развития образов прошлого и настоящего, а также создание проектов и продуктов их трансформации и конструирования в будущем.

Социальное воображение как способность общества выступает пограничным явлением между социальным сознанием, под которым вслед за Э. Дюркгеймом мы понимаем «совокупность убеждений и настроений, знакомых рядовым членам общества, формирующую детерминированную систему, живущую собственной жизнью» [12, с. 108], и социальным или коллективным бессознательным в понимании К.Г. Юнга, то есть как глубинный участок психики, свойственный обществу, находящийся вне индивидуального поля, но влияющий на поведение и сформированный поколениями [9, с. 48]. Социальное воображение, являясь целостным, органическим феноменом, имеет свою структуру. Определим основные его компоненты.

Центральным, основным компонентом является идеальное воображаемое, то есть те представления, которые придают смысл существованию различным типам обществ. Идеальное как онтологический компонент социального воображения наиболее статично и имеет бессознательный характер. Определим его термином «гештальт», который можно перевести с немецкого как вид, образ, форма [10, с. 293]. Следует подчеркнуть, что термин «гештальт» нами вводится не в традиции психологической науки (в частности, направления гештальт-психологии), а в русле понимания Эрнста Юнгера, который ввел подобный термин в социально-философский оборот [6, с. 83]. Каждый социум имеет свой идеальный вид, недостижимый идеал, определяющий смысл жизнеустройства общества и предлагающий его оформление.

В первобытных и древних обществах гештальт играл определяющую роль и был представлен в виде готовых рецептов поведе-

ния и оценки действительности. Его абсолютная «тотализирующая» ценность аффектирует коллективное сознание и ограничивает рациональную, рефлексивную оценку реальности обществом. Подобными гештальтами в исторической ретроспективе выступали мифологические системы, религиозные доктрины, идеологии и мировоззренческие концепции.

Гештальт органичен. В нем заключено целое идеальное представление определенной картины мира. Он подобен матрице, системе архетипов в концепции, однако несет информацию не целиком, а выступает в роли идеального бытия, пытается повлиять на действительность, предоставляет аксиологические ориентиры по организации общества.

Гештальт – это идеал, к которому существует стремление; это поток утверждения идеала в динамике, утопия, направляющая развитие общества. Его можно сравнить с целостной структурой социальных мифов.

Гештальт формирует отношение как к исторической памяти общества, так и к футуристической перспективе. В этом состоит интенциональная его направленность, заключающаяся в формировании оценки коллектива к происходящему в настоящем событийном ряду.

В связи с этим гештальт как идеальное воображаемое коллектива, то к чему стремится общество, определяет телеологию, аксиологию социума. Он формирует общественное отношение к происходящему и наличествующему. Идеальное же воображаемое для общества представляет довольно статичную структурную единицу социального воображения, где трансформации его структур по причине их композиционной сверхценности довольно проблематичны. Иррациональная аффектация гештальтом сопровождается верой в его абсолютность. Поэтому гештальт коллектива ограничен в своей мобильности к трансформациям.

Гештальт наиболее аффектирующая часть социального воображения. Недостижимый, утопический идеал не просто препятствует формированию критического отношения к нему, но и побуждает бороться общество с любыми проявлениями критики в свой адрес. Он производит установки, поведенческие правила и нормы для социума, формирует картину мира общества.

С другой стороны, гештальт как идеальный образ выступает точкой опоры, онтологическим

ориентиром для общества, ответом на вызовы, стоящие перед ним.

Гештальт трансформируется. Подобные его изменения возможны в периоды, когда предыдущие его формы не способны исполнять свою функцию и обеспечивать существование социальных моделей, удовлетворяющих общество. Источником трансформации выступает в терминологии И. Канта вещь-в-себе, ничто, которое привносит то, чего до этого не существовало. Это и является источником социального творчества как полагания, дающего «новое правило, какого нельзя вывести ни из одного предшествующего принципа или примера» [3, с. 246].

Для М. Хайдеггера подобный источник воображения как ничто: «X – это “ничто”, о котором мы вообще ничего не можем знать. Но оно не потому не познаваемо, что это X как сущее сокрыто “за” пластом явлений, но потому, что оно просто не может стать возможным предметом знания, то есть обладания познанием о сущем. Оно не может стать таковым, поскольку оно есть “ничто”» [8, с. 69–70].

Функциями гештальта является аффектирующая, бессознательная мобилизация и сплочение коллектива для обеспечения его психосоциальной стойкости. Общая его ценностная база имеет суггестивное свойство для социальной группы. Для собственного самосохранения коллектив не критически воспринимает содержания гештальта и, таким образом, находится в зависимости от его эмоциональной конструкции. Подобный феномен характеризуется К.Г. Юнгом как инфляция, то есть поглощение коллективным бессознательным сознательной рефлексивной способности над действительностью.

Вторым компонентом социального воображения является историческая память (память о прошлом). Историческая память выступает в роли «копилки» информации о происшедших ранее событиях. Следует подчеркнуть, что сама по себе историческая память не является какой-либо ценностной частью социального воображения. Гештальт как идеальный образ и одновременно аффектирующий принцип посредством направленности своей структуры определяет ценностные установки общественного сознания в отношении тех или иных фактов исторической памяти. Подобное отношение формирует воображаемое представление об истории, прошлом как сегменте социального времени. Создается интерпретация исторических фактов

Воображаемое представление коллектива о прошлом определим как ималогическое прошлое, то есть представление о прошлом, сформированное в социальном воображении. Подобное явление Ж. Ле Гофф охарактеризовал как историю репрезентаций, то есть воображаемых представлений о прошлом [5, с. 14].

Действия же, создающие ималогическое прошлое, очертим как интерпретативные акты социального воображения.

Г.В.Ф. Гегель в этой связи замечал, что ималогическое прошлое (в терминологии Гегеля – память) имеет дело «с тем наличным бытием, которое является продуктом самой интеллигенции, с таким заученным наизусть, которое находится заключенным в сферу, обращенную внутрь интеллигенции, и только внутри ее самой составляет ее внешнюю существующую сторону» [1, с. 303]. Таким образом, действия, производящие перетолковывание социальной реальности, исходя из установок гештальта как идеального воображаемого, следует очертить как *интерпретативные акты* социального воображения.

Однако образ прошлого зависит также и от формы передачи информации о прошлом. А. Леруа-Гуран выявляет пять форм передачи памяти: форма устной передачи, форма письменной передачи при помощи дощечек и указателей, форма простых знаков, форма механографии и форма электронной организации в серии [5, с. 83]. Каждая новая форма передачи памяти привносит свои особенности. Устная форма делает невозможной обеспечение исходной информации в сохранности. Переход к письменной форме производит революцию в сохранности исходных данных и уменьшает возможность переформатирования или ревизии первоначальной информации. Однако параллельно с распространением более удобных форм кодификации информации можно зафиксировать разрастание количества самих источников-носителей исторической памяти. Потенциал интерпретации увеличивается пропорционально количеству возможных первоисточников. В подобной ситуации ималогическое прошлое перестает быть однородным, как это было в случае существования одного или нескольких источников, и выступает творческим конструктом воображения, использующего различные источники для создания новых комбинаций образов прошлого.

Третьим компонентом социального воображения является представление о настоящем (ималогическое настоящее). Ималогическое настоящее формируется исходя из потребностей коллектива и направлено на сохранение информации в исторической памяти и поддержания жизнедеятельности общества, его безопасности. Идеологическим и аксиологическим фильтром отбора информации в настоящем выступает гештальт. Исходя из своей структуры, аксиологии он дает оценку происходящему. С другой стороны, гештальт нивелирует те проявления представлений настоящего, которые несут опасность его структурам и способствует их трансформации в оптимальную

для себя форму, то есть форму обеспечивающую свое дальнейшее существование.

Одним из главных компонентов социального воображения выступает ималогическое будущее, представление о грядущем. Иمالогическое будущее формируется исходя из трех факторов: а) представлениях о настоящем, соединенных с ималогической памятью; б) установках гештальта, сформированных на идеальном и желанном будущем; в) бессознательных аффектациях, направленных на трансформацию действительности. Иمالогическое будущее имеет конститутивную (творческую) направленность, ибо конструирует проекты, исходя из интенции гештальта и вызовов происходящего.

В социальном воображении происходит перманентная борьба между гештальтом и вызовами реальности. Иррациональный и рациональный компоненты являются противоборствующими. Коллективное сознание находится на перекрестке выбора между аффектациями гештальта и рассудочностью внешней информации.

Следует выделить две различные по своей природе формы ималогического будущего: а) социальные ожидания; б) социальное прогнозирование. *Социальные ожидания* имеют бессознательную, иррациональную природу и довольно часто носят аффектирующий характер. Они сопряжены с заложенной гештальтом схемой развития, которая при аффектации теряет свой вероятный характер и приобретает качество необходимости, предзаданности.

Социальный же прогноз – это способ моделирования будущих трансформаций на основе выявления общественного потенциала и возможных рисков. Иمالогическое будущее в этой связи имеет конститутивную (творческую) направленность, ибо конструирует проекты, исходя из интенции гештальта и вызовов происходящего.

В социальном воображении происходит перманентная борьба между гештальтом и вызовами реальности. Иррациональный и рациональный компоненты являются противоборствующими. Коллективное сознание находится на перекрестке выбора между аффектациями гештальта и рассудочностью внешней информации.

Однако симбиоз рационального и иррационального начал выступает условием социального творчества – конститутивного акта социального воображения, являющегося условием для создания нового.

В этом смысле ималогическое будущее является формой проявления фундаментально-имагинативного предиката свободы, определения возможных вариативных сценариев изменений, а также прогнозируемых или предвиденных сопутствующих рисков. «Окно возможностей», ограниченное рисками и потенциалом, таким образом, выступает реальной свободой, имеющей различие от произвола.

Условием же социального творчества является опасность как мобилирующий фактор и предпосылка. Немецкий философ Дитмар Кампер охарактеризовал творчество как травматическое для человечества свойство [2, с. 42]. Однако симбиоз рационального и иррационального начал выступать условием социального творчества – конститутивного акта социального воображения, являющегося условием для создания нового.

Разобравшись со структурой социального воображения, следует обратиться к его трансформациям в динамике. Гештальт как аффектирующий образ, порождающий коллективные установки, хоть и является довольно устойчивым конструктом, однако имеет свое начало и конец. Мы произведем попытку поэтапно проследить формирование, рост и декомпозицию гештальта как центрального явления социального воображения. Для иллюстративности продемонстрируем подобные стадии на примере формирования советского социального воображения.

Гештальт в качестве онтологической, смысловой матрицы общества играет роль как психически уравнивающего феномена, так и источника смыслов существования коллектива. Следует также отметить, что присутствие гештальта как центрального компонента социального воображения является обязательным для всех стадий.

Стадия формализации характеризуется формированием гештальта как целостной матрицы, способной быть идеалом для коллектива и производить установки в его поведении и интерпретациях картины мира. Отличительной чертой подобной стадии выступает трансформация самого коллектива, его структурное оформление. Таким образом, структуры гештальта формируются параллельно со структурами коллектива, общества.

Первую фазу в стадии формализации определим как ризоматическую фазу. Она характеризуется неустойчивыми горизонтальными связями в коллективе, неслаженностью отношений между его частями и сосуществованием большого числа образных схем, то есть идеальных, утопичных проектов общества, претендующих занять место гештальта. Под образными схемами следует понимать идеальное представление, претендующее на универсальность, но не имеющее достаточного авторитета для утверждения в статусе гештальта. В исторической ретроспективе классическим примером подобной фазы можно определить период от революции 1905 г. до Октябрьской революции 1917 г. Различные социальные группы в данный момент формировали проекты (схемы-образы), претендующие на универсальность. Большевики, меньшевики, эсеры, черносотенцы, кадеты и многие другие во всем сво-

ем многообразии формировали собственные воображаемые структуры, а параллельно боролись за превращение собственной схемы-образа в общепризнанный гештальт. Образование схем-образов имело несистемный и маргинальный характер, а их авторитет зависел от широты социализации той или иной группы.

Вторая фаза стадии формализации определяется нами как ноуменальная. Ее характерной особенностью выступает выделение гештальт-тренда, то есть выход одной из противоборствующих схем-образов на первые позиции и ее преобразование в гештальт. Главными условиями подобного перехода является расширение социальной базы носителей схемы-образа и окончательное оформление базовых принципов гештальта, четкого его инструментария.

На примере формирования советского социального воображения данную фазу можно очертить в хронологических границах от Октябрьской революции 1917 г. до окончания Гражданской войны в России. Октябрьская революция как переломное событие определила господствующую схему-образ, а дальнейшие процессы укрепили большевистскую схему-образ и окончательно оформили ее в гештальт после победы в Гражданской войне. Параллельно с расширением влияния большевиков, разрастанием их структур, увеличивался авторитет их принципов и установок среди населения.

Следует также отметить, что фаза формализации характеризуется также процессом генерализации, трансформации гештальта из чисто ималогического и теоретического фактора в социально применимый к действительности через общественные изменения.

Третья фаза – креативная. На основе образованного гештальта формируется установка на преобразование действительности, трансформацию социальных институтов и расширение влияния нового гештальта. Сам гештальт достигает фазы окончательного оформления, законченности. Подобная фаза произошла в советском социальном воображении на протяжении 1921–1953 гг. в момент окончательного оформления его гештальта и под его воздействием трансформации общества в направлении построения социализма, а затем и коммунизма. НЭП, индустриализация, коллективизация являются этапами формирования гештальта советского общества. Окончательное завершение данной фазы ознаменовалось смертью И. Сталина, характеризующейся как рубикон по оформлению советского гештальта, сформированности его базовых установок: идеи советского народа с общим ималогическим прошлым, созданием целостного воображаемого представления об историческом процессе и его интерпретации.

На данной фазе этап формализации заканчивается и начинается *стадия декомпозиции*, которую можно охарактеризовать стагнацией и разложением гештальта, его фрагментацией и распадом.

Первой фазой этапа декомпозиции выступает фаза стагнации. Неподвижность гештальта, его окостенение, отсутствие мобильности и трансформации приводит к герметизации гештальта, его отрыву от реальности. Направленность воздействия гештальта имеет только одну сторону консервирования и сохранения предыдущих достижений.

Примером подобной фазы в советском социальном воображении является период руководства Н. Хрущева и Л.И. Брежнева. Советский гештальт приобрел оборонительный характер, отсутствовали какие либо его трансформации.

И последней фазой в существовании гештальта является фаза *деконструкции*, то есть разложения гештальта, его маргинализации в коллективе. Первым и наиболее важным фактором, определяющим подобную фазу, выступает фактор диссанирования гештальта и настоящей реальности, невозможность гештальта трансформировать реальность. Инструментарий гештальта перестает давать адекватные самосохранению общества возможности и дестабилизирует его состояние. Примером из советского социального воображения служит красноречивый период, начиная от Ю. Андропова и заканчивая М. Горбачевым. Советский гештальт не смог трансформироваться, что привело к его разложению, фрагментации на части и маргинализации до уровня обыденной схемы-образа в новом цикле социального воображения.

Таким образом, социальное воображение имеет собственную структуру, которая включает как рационализирующие, так и иррационализирующие элементы. Социальное воображение состоит из гештальта как идеального образа-матрицы, формирующего установки общества, ценностные ориентиры и отношение коллектива к прошлому, настоящему и будущему через их ималогическую (воображаемую) призму представления.

Динамический процесс трансформаций социального воображения можно разбить на две стадии формализации и декомпозиции. Стадия формализации характеризуется формированием гештальта как целостной матрицы, способной быть идеалом для коллектива, производить установки в его поведении и интерпретациях картины мира. Она состоит из трех фаз: ризоматической, ноуменальной и креативной, через которые последовательно выделяется и оформляется гештальт.

Стадия декомпозиции, которую можно охарактеризовать стагнацией и разложением гештальта, его фрагментацией и распадом, состоит из двух

последовательных фаз: стагнации и деконструкции. В результате ее осуществления гештальт перестает существовать и распадается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель, В.Ф.Г. Энциклопедия философских наук. Т. 3. Философия духа / В.Ф.Г. Гегель; отв. ред. Е.П. Ситковский; ред. кол.: Б.М. Кедров и др. – М., 1977.
2. Кампер, Д. Тело. Насилие. Боль: сб. ст. / Д. Кампер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и вступ. ст. В. Савчука. – М.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010.
3. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант; пер. с нем. Н. Лосского; сверен и отредакт. Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; прим. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Эксмо, 2009.
4. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон; пер. с фр. – М.: Академический проект, 2012.
5. Ле Гофф, Ж. История и память / Жак Ле Гофф, пер. с фр. К.З. Аюбяна – М., 2013.
6. Пятроўскі, П.С. Гештальт як аснова грамадскіх трансфармацый у канцэпцыі Э. Юнгера // Вестці БДПУ. Серыя 2. – 2013. – № 2. С. 81–85.
7. Сэмьюэлз, Э. Словарь аналитической психологии К. Юнга / Э. Сэмьюэлз, Б. Шортер, Ф. Плот; пер. с англ. В. Зеленского. – СПб.: Азбука-классика, 2009.
8. Хайдеггер, М. Кант и проблема метафизики / М. Хайдеггер; пер. с нем. О.В. Никифорова – М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
9. Юнг, К.Г. Тэвистокские лекции. Исследование процесса индивидуации / К.Г. Юнг; пер. с англ. – М.: Ваклер, 1998.
10. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли / Э. Юнгер; пер. с нем. А.В. Михайловский; вступ. ст. Ю.Н. Солонин. – СПб.: Наука, 2002.
11. Durand, G. Les Structures anthropologiques de l'imaginaire / G. Durand. – Paris, 1960.
12. Durkheim, D.E. Explorations in Classical Sociological Theory: Seeing the Social World / D.E. Durkheim – Pine Forge Press, 1954.

SUMMARY

The Theme revealed the structure and properties of social imagination, identified the stages of transformation of the social imagination basic elements. Social imagination is shown as a part of social reality, which has both rational and irrational components. It is Determined by the qualitative differences between the social prognosis and social expectations.

Поступила в редакцию 14.10.2014 г.

УДК 141.7«20»

И.И. Таркан,

преподаватель кафедры философии БГПУ

РОЛЬ ГЕГЕМОНИИ В РАЗВИТИИ КАПИТАЛИЗМА И ЕЕ КРИЗИС В XXI в.

Одним из проявлений современного глобального кризиса является культурно-идеологический перелом. В 2000-е гг. во всем мире произошли кардинальные идеологические перемены, ознаменовавшие сменой либерализма неоконсервативной идеологией. На формирование концептуального содержания и дискурса последней оказала теория столкновения цивилизаций профессора Гарвардского университета Сэмьюэля Хантингтона. В соответствии с его теорией, главной формой межцивилизационных отношений является непрекращающаяся вражда [10, р. 20]. Подтверждение мысли С. Хантингтона можно было наблюдать на протяжении 2000-х гг. Примером этого служат ограничение прав эмигрантов и ужесточение внешней политики в развитых странах Севера, рост религиозного фундаментализма и многочисленных межэтнических конфликтов в развивающихся странах Юга. Определенной вехой в современном идеологическом кризисе стали заявления Д. Кэмерона, Н. Саркози и А. Меркель об отказе от мультикультурной идеологии в Западной Европе, сделанные в 2010–2011 гг.

Основные вопросы, которые возникают в связи с современными культурно-идеологическими переменами, заключаются в том, представляют ли эти перемены реальную угрозу для просвещенческих ценностей эпохи модерна – свободы и равенства? Означает ли рост неоконсерватизма окончание либеральной идео-

логии, которая обеспечивала легитимацию современной мировой системы на протяжении двухсот лет – с 90-х гг. XVIII в. по 90-е гг. XX в.? Или же социокультурная ситуация XXI в. является лишь временной реставрацией неоконсерватизма, жесткий курс которого позволит преодолеть современный глобальный кризис и создаст предпосылки для возврата к либеральным ценностям, подобно тому как это происходило в прошлом?

Ответы на эти вопросы даются в рамках концепции диалога цивилизаций, автором которой является бывший президент Ирана Мохаммад Хатами. Оппонируя С. Хантингтону, М. Хатами доказывает, что неотъемлемым качеством каждой цивилизации является диалогичность, то есть взаимное проникновение одной цивилизации в другую, прежде всего на уровне культуры [8]. М. Хатами, а также авторы многочисленных работ, развивающих тему межцивилизационного диалога, опираются в своих исследованиях на цивилизационный подход. Главным методологическим недостатком этого подхода является то, что в нем культурно-исторические типы рассматриваются отдельно от социально-экономических процессов. Они понимаются как некий инвариант, не подверженный влиянию социальных изменений. «Отсюда возникает уверенность, будто существует некий “западный” и “русский человек” вообще, вне конкретного политического, социального и экономиче-